

12. *Кассирер, Э.* Философия символических форм: в 3 т. / Э. Кассирер. – М.: Университетская книга, 2002. – Т. 2: Мифологическое мышление. – 280 с.

13. *Арон, Р.* Избранное: Введение в философию истории / Р. Арон. – М.: ПЕРСЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 543 с.

14. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.

15. *Эко, У.* Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко. – СПб.: Алетей, 2003. – 256 с.

(Дата подачи: 25.01.2016 г.)

И. В. Морозов

Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск

I. V. Morozov

The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk

УДК 008

ОТ КУЛЬТУРОЛОГИИ К КУЛЬТУРОСИНЕРГИИ FROM CULTUROLOGY TO CULTURESYNERGY

Современные воззрения на человека и культуру обязывают искать адекватную методологию их познание. Такой концепцией, которая смогла бы сочетать традиционные пути познания и новаторские идеи, предлагается культуросинергия. С ее позиций феномен человек-культура предстает как открытая динамичная система, коммуникативно-диалоговый, креативно-интерпретационный процесс.

Ключевые слова: культура, синергетика, культуросинергия, коэволюция, коммуникация, диалог, самореализация, интерпретация.

Modern views on a man and culture obligate to search adequate methodology of their cognition. Such conception which would be able to combine the traditional ways of cognition and innovative ideas is culturesynergy. From its positions the phenomenon a man-culture appears as an open dynamic system, communicative-dialog and creative-interpretative process.

Key words: culture, synergetics, culturesynergy, coevolution, communication, dialog, self-realization, interpretation.

Культурология как самостоятельная дисциплина, наука о явлениях и законах культуры формируется лишь в последнее столетие. И, как любое научно-теоретическое направление познания, она стала ответом на вызов, который вызрел в недрах бытия социума. Стала порождением той ситуации, когда пришло понимание, убеждение, что с нашей общечеловеческой культурой происходит нечто неладное, болезненное, кризисное.

Уже в своем истоке в культурологии образуются различные течения мысли, нашедшие свой фарватер в просветительской «историософии» и «культурфилософии» (А. Мюллер).

Двумя принципиальными руслами это все более наполняющее полость вливается в гуманитарную мысль прошлого века. Так изначально кроткий мировоззренческий ток феноменального духа и экзистенции постепен-

но подтачивал, казалось бы, незыблемую скалу позитивизма, восстающую на догмате эмпирической верификации.

Тем не менее это не стало полной неожиданностью, поскольку развивала первые шаги на поприще теоретического осмысления культуры, когда культурогенез предстал одновременно как самопознание и самосоздание человечества. (Вико), как свободное творение человеком своей сущности (Руссо), путь от неорганической материи к «мировой душе» (Гердер). Описанные при этом диалектические механизмы предметной объективации духа и его возвращения к своей субъективности через самоинтерпретацию, (в частности, посредством «феноменологии Духа» Гегеля и «априорного знания» Канта), подготовили плодотворную почву для дальнейших произрастаний на ниве «наук о духе» (Дильтей).

В такой, с точки зрения классической науки аморфной, виртуальной ауре культуроведение чувствовало себя если не изгоем, то неприкаянным странником. Поэтому до сих пор в сонме наук Запада культурологии не находится стабильного места, не присвоен автономный статус. На ее предметном и тематическом поле вольготно пребывают этнография, этнология, культурная антропология, социология, семиотика и философия культуры. И между другими гуманитарными науками и воззрениями непроницаемая жема не проводится, гмача свою версию культурологии имеют такие авторитетные направления мысли как феноменология, психоанализ, герменевтика, структурализм.

Здесь же развивается и «глубинная психология» (К. Г. Юнг), что еще трактуется и как трансперсональная психология с направлением к психологии трансличностной, трансчеловеческой. Иначе говоря, к гуманистической психологии, скорее обращенной к человеку-в-мире, нежели к отдельным человеческим потребностям и интересам.

Отсюда «мир как целое», «мир и человек в нем» представляются в их потенциальном и актуальном существовании как особого рода, структурно и генетически сложный, динамичный информационный феномен. Это, в свою очередь, подвигает переход к коммуникативно-интерпретационной парадигме, одним из знамений и поводырем которого призывается «синергетика». Происходя от греческого «синергейя» (содействие, сотрудничество), этот термин (Г. Хакен) и исследовательская направленность в целом постулируют гармоничную согласованность всех участников целокупного, фактически непрерывного креативно-коммуникативного процесса. Здесь априорно явствует междисциплинарный концепт синергетики, а также ее ориентацию не на утверждение факта и сталости, но на всеобщность семантического разнообразия и перманентного становления.

Вполне закономерно и обосновано в эти представления можно облечь и культуру, акцентируя в ней креативно-коммуникативную процессуальность, преисполненность трансценденциями форм и содержания своего проявления.

Другими словами культура есть-становится как имманентно-динамичное самопознание бытия человека-в-мире. Причем в метафизическом потоке «ускользающего бытия» (Ф. Гиренк).

В таком дискурсе человек был-есть-будет творец-носитель-творение Культуры. Что не просто ставит знак равенства между ними в процессе понимания, но обнаруживает их как тотально-единый, человеко-культурный, действительно синергетический событийно-процессуальный, коммуникативно-диалоговый акт, направленный на самореализацию креативного потенциала и предназначения. Пусть даже и неведомого, по крайней мере, позитивно не исчисляемого.

В результате осознается необходимость проникновения многоликостью культуры – и как подавляющей системы запретов, норм и установлений, но и как воодушевляющей, врачующей «терапии души». Ведь для нее всегда по-хорошему мало. Вот она порой трепетно и кротко, иногда страстно и энергично и стремится к самопониманию. Причем, в самом широком смысле, в синергетической коэволюции, где искони правит содействие и сотрудничество, культивируется гармония.

Так что при таком походе к постижению культуры есть основание говорить о глубинной культурологии. А точнее, о культуросинергии, познавательна стихия которой – обнаруживать и подвигать «порядок из хаоса», определять закономерности бытия человека-в-мире, но уже с позиций постклассической научной доктрины – общей теории нелинейных, неравновесных, открытых, коэволюционирующих систем. Для них, в частности, характерна открытость, «размытость» границ, несмотря на их пространственную локализацию, относительную или кажущуюся изоляцию. Так, биологам не надо доказывать, что сложноорганизованные системы практически невозможно вырвать из окружающей среды или разложить на составляющие. То же можно сказать и о явлениях культуры, где всякая культурная уникальность (человека, этноса, эпохи) есть лишь одна из граней универсальности, общечеловеческого.

Кроме этого открытость и коэволюционность культуры подвигает решительно пересмотреть свое отношение к Природе. Так, чтобы она помимо всех существующих значений – одна из форм бытия, все существующее (сущее), естественная среда обитания человека – обрела и выказывала новую, синкретическую, но главное, синергетическую сущность. То есть стала полноправным соучастником креативно-коммуникативного бытия-становления, собеседником в диалоге человека с мирозданием, или с самой собой [1].

«Человек как “предмет познания” – это ключ ко всей науке о природе». (П. Тейяр де Шарден). А все в науке о природе – это ключ к самопознанию человека-культуры. Тогда не просто созерцательно, но со встречным пониманием следует идти на встречу-согласие, на сопереживание с Природой. И тем еще раз подтвердить антропный принцип научного познания, согласно которому, Вселенная, мир именно таков, поскольку в этой Вселенной существуем человек в качестве ее наблюдателя. В «антропной космологии» человек предстает «внутри природы», будучи естественным продуктом природной эволюции, включающей и сам процесс познания природы, кото-

рый столь же естественно и необходимо оказывается и процессом самопознания как самоэволюции человека [2].

Культуросинергический концепт также согласуется с актуальным коэволюционным императивом, когда богатство, достояние Природы видится не в ее ископаемых и минеральном и органическом плодоношении, но в способности подвинуть и обеспечить самопостижение и самореализацию человека в общем согласованном движении креативного духа. В таком контексте правомерно и переосмысление экологической проблематики, вывод ее из плоскости техногенеза в сферу морально-этическую, эстетическую, религиозно-художественную. И на этой основе обусловить экзистенциальную заботу о поддержании динамического равновесия, гомеостазиса человека-культуры коммуникативного процесса с прямой и обратной связью, трансляцией смыслов, что свойственен всякой открытой системе. В том числе и открытому обществу-культуре. В нем, согласно А. Бергсону, возникает и получает свое естественное развитие динамическая мораль. Ее первичным источником является интуитивно-эмпатический опыт внутреннего переживания экзистенциального духовного порыва, порождающего религиозно-мистическое чувство сопричастности с мировым целым, чувство предзаданной мировой гармонии. Только здесь и воплощаются принципы человеческой свободы, любви, креативности, первичная интуиция жизненного порыва.

Но, если исходить из первичного (атомарного) источника этого порыва, то вновь пылкий ум «снизойдет» к неизбежно уникально-универсальной личности. К феномену ее понимания и интерпретации как себя-в-мире и мира-в-себе. Как самоактуализации, открытой в своей уникальности всеобщему посредством чувства тотальной сопричастности [3].

Поэтому столь важное значение в культуросинергическом дискурсе имеет «личностное знание» (М. Полани), поскольку мировидение, картина мира помимо общего-стереотипного наполнения имеет одновременно и глубоко личностный характер. Всякое исследование в области наших фундаментальных верований и убеждений может быть непротиворечивым лишь в том случае, если оно предполагает свои собственные выводы [4].

На тернистом пути «личностное знание» невозможно без сомнений. Однако они необходимы, как посох-поводырь у слепца, дабы испытать доверие и уверенность в самом себе, возлагая на себя витальную ответственность выбора. Понятно, что здесь теоретические, рациональные знания не отрешиваются, но вступают в диалог с иррациональной интуицией, наитием, верой и надеждой. Здесь и риск заблуждения плодотворен, ибо он исходит из более доверительного отношения к мирозданию и более оптимистического взгляда на бытие человека-в-мире. Здесь и случай-парадокс воспринимается как нечто бессмысленное и преопределенное, кто-то скажет: Богом данное.

Поэтому также не случайно, что до появления современных коэволюционных воззрений и синергической концепции мироздания идею вселенского всеединства отстаивалась в религиозно-художественной среде.

«Все события мира должны быть так тесно связаны между собою и цепляться одно за другое, как кольца в цепи. Если одно кольцо будет вырвано, то цепь разрывается... Связь эта должна заключаться в одной общей мысли: в одной неразрывной истории человечества, перед которою и государства и события – временные формы и образы!» (Н. В. Гоголь)

Ныне это отстаивает в качестве «объективной» реальности синергетика, с ее концептом бытия-становления, что делает всякое познание динамичным и высоко мотивированным и интересом первооткрывателя, и ответственностью исследователя перед традицией. Наконец, перед собственным чувством реализации своего призвания и предназначения в судьбе синергетической диалектики хаоса-порядка культуротворчества.

Так и культуросинергичная мотивация – согласование антагонистичных крайностей, нахождение срединного пути между полюсами страстной субъективности с одной стороны и незаинтересованной объективности с другой. Значит и умышленный отказ от ультимативного языка бинарных оппозиций: субъективное-объективное, абсолютное-относительное, а также искусственное-естественное, материальное-духовное, истинное-ложное, наконец, возможное-невозможное.

Другими словами, культуросинергии суждено решительно отказаться от культа точного, однозначного, «истинного» вывода относительно реальных-феноменов человека-культуры. Ведь сие самопознание осуществляется действительно не линейно, не по сугубо логической прямой и очевидным причинно-следственным связям, но обращаясь к новой, априори неоднозначной «реальности» и «объективности».

Вдохновляют на этот «еретический» шаг синергетические подвиги принципиального поборника и авторитета объективности – математики. Сквозь «магический кристалл» синергетического видения сама математика – лишь одна из возможных технологий представления знания, и не является репрезентацией внешней по отношению к нам и независимой от нас реальности. Но «всего лишь» выказывание нашего специфического отношения к миру, которое преисполняется в диалоге с ним и определяется спецификой нашего вопрошания к нему. Так что и само вопрошание высвобождается от ареала недопонимания, невежественности и обретает статус пылливой неудовлетворенности, перманентного творческого поиска, где только и зарождается фундаментальное вопрошание относительно смысла бытия-становления человеко-культуры. Вопрошания, следует признать, неистребимо и ненасытно, поскольку ответ на него находятся в мире символов, которые, по определению, не имеют законченного, «абсолютного» смысла, законченной, «истинной» интерпретации. Ведь самые принципиальные ценности человека-культуры: порядок-хаос счастье-горе, жизнь-бессмертие – неизъяснимые до конца, «ускользающие» символы.

Любой, даже реально осязаемый артефакт – не лот антикварного аукциона, но символ. Смысл, находящийся на пограничье понимания-чув-

ствования, знания-переживания. Неуловимость бытия-становления здесь «материализуется», словно улыбка Чеширского кота, в признании наличия-отсутствия символичности. Ибо она семантически вольна, неопределенна, неустойчива, размыта. Поэтому не каждому исследователю она комфортна и привлекательна потому как искони не предполагает окончательного ответа на нескончаемые вопросы. Это ситуация перманентного вопрошания, которое в свою очередь обнаруживается как особое, сугубо человеко-культурное переживание. И, пожалуй, это единственный путь к согласию наших гносеологических порывов и религиозных чувств, к яви и мистики, повседневного и Вечного, Абсолюта и человека как его атрибута. Оно в самобытной познавательной-чувственной синергии Фомы Аквинского, полагавшего, что Бог – не ответ, а вопрос. Так что всякое проявление человека-культуры приоткрывается отнюдь не в ответах, но в вопросах, в их глубине, то есть, как ни странно, в безответности. Сия «безысходность» обусловлена точным замечанием А. Эйнштейна, что решение всякой проблемы обязывает отказаться от образа мышления, породившего эту проблему. То есть перманентного творчества со своим мышлением и переживание его как мотив и условие самореализации.

...Итак, культуросинергия реабилитирует, переоткрывает исконный мифопоэтический порыв и принцип «человек – мера всех вещей», до неузнаваемости выхолощенный позитивной наукой и узурпированный технократизмом. Мерой знания становится беспрецедентная для обозримого прошлого категория – «вочеловеченность» (Маслоу).

Культуросинергия, образно говоря, – культурология с человеческим лицом, с душой. Не мотивировка логоса-дознания как накопления сведений, но опыта переживания, где знания также обретают вочеловеченную окраску, поддерживая в нас морально-нравственный и эстетический стержень. Усилие, не только и даже не столько рассудка, но прежде души и сердца, помогающие противостоять тенденции исследований культуры к консервативному нормотворчеству, эмпиризму, «прикладничеству».

Культуросинергии априори, как и всем синергетическим явлениям свойственна нелинейность, неоднозначность, метафоричность, художественность, «случайность» смыслов, их незавершенность и, следовательно, *диалогичность* как мотивация перманентного вопрошания и согласованной дискусионности. Поэтому она не подменяет философию культуры, потому как сама философия сегодня в ситуации синергетического сомнения-вопрошания. «Мы знаем, что философия – это теория, это работа с понятиями... И тем не менее, когда кто-нибудь говорит нам, что философия – это наука, мы как-то невольно вздрагиваем». Ибо уважительно пасует перед таинством человека-культуры, перед архипроблемами – теми загадками, которыми он «сам-собой-себе-задан». Причем, сия озадаченность происходит не оттого, что человеческие глубины непознаваемы, но следует из того, «что человек есть такое существо, которое вообще существует, только задавая вопросы» [5].

Разумным и чувствуемым, переживаемым последствием такой кардинальной гносеологической инверсии становится ориентация на диалогичность, рожденную уже не просто в сомнении и разуверении в догме, но в вере на возможность проникновение в суть бытия-становления человека-культуры, хотя и обреченного на безответное в последней инстанции вопрошание, на перманентную аппроксимацию. На многоликую диалогичность.

Диалогичность, которая без всяких предубеждений и псевдонаучного снобизма согласится, признает, откликнется на зов Природы, ибо «В ней есть душа, в ней есть свобода / В ней есть любовь, в ней есть язык» (Ф. Тютчев).

Диалогичность, что преисполняет поиск согласования и гармонии в ее метаисторическом исполнении, которое уже обретает статус интертекстуального феномена, полилогичности. Этакого общечеловеческого священного Писания, где писари и персонажи, личности и этносы, эпохи и парадигмы согласовано и не бессмысленно собраны воедино общей грамматикой смысловыражения [6].

Понятно, что это лишь намеки, пролегомены на подступах к культуросинергии. Она сродни вдохновенной импровизации, герменевтическому искусству интерпретации. А еще более – вопрошания, когда «вечные» вопросы чудодейственно не стареют.

Список использованных источников

1. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 1986.
2. Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В. И. Аршинов. – М., 1999.
3. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М., 1999.
4. Полани, М. Личностное знание / М. Полани. – М., 1985.
5. Мамардашвили, М. К. Философия и личность / М. К. Мамардашвили // Человек. – М., 1994. – № 5. – С. 5–19.
6. Морозов, И. В. Герменевтика зодчества / И. В. Морозов. – Минск, 2009. – 352 с.

(Дата подачи: 31.03.2015 г.)

В. В. Позняков

Республиканский институт высшей школы, Минск

V. V. Pazniakou

State Institut of High Education, Minsk

УДК 09.00.00

КАТЕГОРИЯ СРЕДСТВА В ПРОЕКТИРОВАНИИ: ЛОГИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

CATEGORY OF VEHICLE ENGINEERING: LOGICAL -METHODOLOGICAL ASPECTS

Рассматривается категориальный статус средства. Раскрывается его сущность. Описывается его категориальный статус в системе отношений с целью, задачей, дея-